

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
доктора исторических наук
Шараповой Светланы Владимировны на тему:
«Население лесостепного Зауралья и Западной Сибири
в V в. до н.э. – III в. н.э. (по материалам погребальных памятников)
по специальности 5.6.3

Диссертационное исследование С.В.Шараповой посвящено изучению населения саргатской археологической культуры на основе современных междисциплинарных методов. Актуальность избранной темы несомненна. В настоящее время можно говорить о «третьей научной революции» в археологической науке (Кристиансен 2023), которая связана с палеогенетикой, изучением стабильных изотопов, новых биоархеологических методов и т.д. Новые методы расширяют наши горизонты понимания жизнедеятельности архаических обществ, и соискатель вносит свой важный вклад в осмысление и интерпретацию важных вопросов изучения саргатской археологии.

Рецензируемая диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы. Отдельный том составил иллюстративный материал, состоящий из 124 рисунков, фотографий, планов и графиков. Во «Введении» (стр. 4-20) сформулированы актуальность, цели и задачи работы, объект и предмет исследования, хронологические и пространственные рамки исследования, теоретико-методологические основания работы, научная новизна, положения, выносимые на защиту. Целью рецензируемой работы «является биоархеологическая характеристика населения лесостепного Зауралья и Западной Сибири в раннем железном веке на основе комплексного анализа материалов» (стр. 12). Источниковую базу составили материалы раскопок 41 памятника, исследованных с

середины прошлого века до настоящего времени. В совокупности это составило 674 погребальных комплексов и останки 694 индивидов. При этом диссертант принимал участие или проводил исследования в общей сложности на 11 памятниках, что составляет примерно четверть от общего объема.

Первая глава (стр. 21-81) посвящена описанию источников и историографии исследования. Диссертант начинает с истории изучения саргатских древностей. Затем она переходит к характеристике основных концепций и далее обращается к описанию археологических и физико-антропологических источников. Во второй главе (стр. 82-169) описывается саргатская археологическая культура – территория распространения памятников, материальная культура, вариации погребальной обрядности. В третьей главе (стр. 170-205) рассматривается хронология. Особенное внимание уделено нижним и верхним границам культуры. Хотелось бы также видеть сводные таблицы радиоуглеродных дат. После этого диссертант переходит к описанию социальных и демографических характеристик саргатского «тафокомплекса». Отчасти материалы последнего раздела главы пересекаются с вопросами, рассмотренными во второй главе. Наконец, в четвертой главе (стр. 206-343) показаны перспективы использования междисциплинарных методов к погребальным комплексам саргатской культуры. В заключении (стр. 344-356) сформулированы основные выводы исследования.

По сути дела, последняя глава – это ключевой раздел диссертационного исследования. Именно здесь вводится принципиально новый материал, делается попытка осмыслить деформации черепов, бытовой и военный травматизм, биоархеологические особенности элиты. Диссертант вслед за Д.И. Ражевым выделяет две морфологические группы, названные «активной» и «спокойной» (стр. 232 и далее). При этом, первоначально предполагалось, что погребения «спокойной» группы более характерны для элитарных слоев, тогда как захоронения «активной» группы более связаны с теми, кто активно

участвовал в войнах (стр. 233). Отчасти это подтверждается полученными выводами. В частности, диссертантом отмечено, что мужчины и женщины «спокойной» морфогруппы потребляли больше мяса (стр. 237-238), а в раннем возрасте реже испытывали недостаток питания (стр. 240). Однако, С.В.Шарапова, на наш взгляд, проявляет здесь излишнюю осторожность и уходит от категоричных выводов. Между тем, было бы интересно посмотреть сколько процентов «спокойной» морфогруппы приходится на элиту сообщества, а сколько на другие социальные группы. Думается, полученные результаты позволили бы сделать более определенные выводы по данному вопросу.

Большое интерес представляют выводы диссертанта, что анализ кинематических схем физической активности не выявил статистически достоверных асимметрий костей рук с преобладанием правой стороны в выборке женских захоронений, в отличие от мужских погребений (стр. 248-249). Это, по мнению автора работы, служит опровержением широко распространенного тезиса о наличии «женщин-воительниц» в саргатском обществе. Тут трудно спорить. Впрочем, хотелось бы видеть (например, в приложениях) более развернутую аргументацию данного тезиса с перечислением всех имеющихся данных, в том числе сведений по морфогруппам. Это сделало бы выводы исследователя более фундированными. Было бы интересным сопоставить полученные диссертантом выводы о гендерных нагрузках с результатами исследований по другим обществам древних кочевников Старого Света (если такие, конечно, имеются). Данное обстоятельство представляется принципиально важным, поскольку широко распространена точка зрения о значимой роли женского населения в военной деятельности многих древних кочевников Евразии.

Не менее интересным представляется вывод работы, что захоронения с деформированными черепами не могут быть отнесены к элитным группам. Их не так много и они обычно располагались на периферии курганов. Все это подводит диссертанта к выводу, что это могли бы быть представители какой-

то иной этнической или общественной группы, хотя и здесь автор очень осторожен в своих суждениях.

Особое место занимает изучение боевого травматизма (стр. 293-294). Диссертант приходит к выводу, что только 11 черепов из 10 могильников, что составляет 5,47% имеющейся выборки черепов саргатской общности, имеют следы травм. Их них 6 не могут быть интерпретированы однозначно как боевые травмы и только 5 случаев могут быть интерпретированы как боевые проникающие ранения (стр. 297-298). Это, по мнению автора, не дает оснований полагать, что саргатское общество было «воинственным». В качестве дополнительных доводов С.В.Шарапова использует следующие аргументы: зафиксировано мало следов боевых ранений у женщин и насильственных травм у детей, на городищах нет следов пожарищ, убийств и вражеских набегов.

Полностью принимая набор дополнительных аргументов, хотелось бы заметить, что вывод диссертанта о 5% выборке едва ли может считаться весомым доказательством мирного характера общества. В опровержение могу сослаться на книгу британского археолога Я.Морриса «Война» (Morris 2014: 363, fig. 7.1). Согласно выкладкам из этой работы, количество насильственных смертей больше всего было в эпоху палеолита. При всей условности подобных подсчетов оно могло быть примерно от 10 до 20%. С появлением форм социального контроля, совокупное количество насильственных смертей становится меньше. Для так называемой эпохи Великого переселения народов Моррис дает вилку от 5 до 10%, а в периоды существования стабильной политической власти и того меньше. Нужно также иметь ввиду, что многие из мужчин, погибших в воинских походах, не были погребены на родине. А высказанные в других местах предположения диссертанта и антропологов, что около трети населения саргатской культуры могло иметь ранения, свидетельствуют как раз, наоборот, о высоком уровне военных столкновений.

Специальный раздел диссертации – § 4 главы 4 был запланирован для характеристики социальной стратификации и мобильности населения саргатской культуры. Однако основное внимание диссертант уделила перечислению различных гаплогрупп и исследованию мобильности древнего населения на основе изотопного анализа стронция. Совершенно правильно отмечено наличие социальной дифференциации в саргатском обществе (стр. 349-350). Между тем, было бы очень интересным, если бы диссертант сопоставила различные социальные ранги и группы, выделенные её предшественницами в изучении саргатского общества (Л.Н.Коряковой, Н.П.Матвеевой, Н.А.Берсеновой), с «активной» и «спокойной» морфологическими группами. Возможно, это позволило бы прояснить многие спорные вопросы касательно существующих гипотез о социальной структуре саргатского населения.

Нельзя также не согласиться с выводом диссертанта, что саргатская общность представляла собой вождество или группу вождеств (стр. 239). Однако, при этом, диссертант отмечает, что иерархия поселений в саргатском обществе не изучалась (стр. 102). Наличие подобного раздела в диссертационной работе только бы усилило аргументацию автора, а также показало бы наличие/отсутствие субрегиональных центров. Не исключено, что появились бы дополнительные факторы, объясняющие расположение в том или ином месте могильников с захоронениями элиты.

Вместе с тем, указанные замечания и предложения не умаляют значимости диссертационного исследования. Многие из них имеют дискуссионный характер и не касаются существа рецензируемой работы. В работе обобщен большой пласт археологических и биоантропологических источников. Полученные выводы основаны, в том числе на систематизации новых данных, полученных в результате современных естественнонаучных методов анализа. Это показывает перспективность междисциплинарных исследований, открывающих новые горизонты в изучении архаических обществ эпохи раннего железного века, а также дает основание оценить

уровень представленного диссертационного исследования как весьма высокий.

В целом, диссертация Светланы Владимировны Шараповой «Население лесостепного Зауралья и Западной Сибири в V в. до н.э. – III в. н.э. (по материалам погребальных памятников» выполнена на очень высоком квалификационном уровне, представляет большой интерес для специалистов и является существенным вкладом в историко-археологическую науку. Выносимые на защиту положения обоснованы и подкреплены фактическими данными. Достоверность и новизна выводов диссертационной работы основывается на большой источниковой базе и совокупности междисциплинарных методов, использованных соискателем докторской степени. Название работы полностью соответствует ее содержанию. Основные выводы диссертации и автореферата не вызывают возражений. Текст автореферата полностью соответствует тексту диссертации. По теме диссертации опубликовано 67 научных работ, в том числе 35 статей в изданиях, рекомендованных ВАК и Перечнем МГУ им. М.В. Ломоносова для апробации результатов диссертационных исследований (в том числе статьи в *Nature*, *PNAS* и др.), одну индивидуальную и восемь коллективных монографий. Представленные публикации полностью отражают содержание диссертации, обеспечивая ее результатам необходимую достоверность и обоснованность. Выводы диссертации апробированы на большом числе международных и всероссийских конференций.

Диссертация отвечает всем требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.3 – археология (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени

доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Шарапова Светлана Владимировна заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3 – археология.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, профессор, академик РАН
Директор ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН
Крадин Николай Николаевич

12.09.2024

Контактные данные:

тел.: 1

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

07.00.03 – Всеобщая история (древний мир)

Адрес места работы:

690001, (Приморский край) г. Владивосток, ул. Пушкинская, д. 89, ФГБУН
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО
РАН

Тел.: 8(423) 2220507; e-mail: director@ihaefe.ru

Подпись директора ФГБУН Институт истории,
археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН Крадина Н.Н.
удостоверяю:

Зав. отделом кадров

12.09.202

В. Руденок